

Уильям Шекспир

Сонет XVIII

Переводы с английского

Составление и вступление АНДРЕЯ КОРЧЕВСКОГО

С момента публикации в 1609 году в формате кварто сонеты Шекспира заняли уникальное место во всей мировой поэзии — но русская культура оказалась к ним особенно восприимчива. Количество русских переводов полного собрания сонетов или избранных текстов множится в прогрессии: простой поиск в интернете приводит к практически неограниченному блужданию между вариантами. Вслед за Александром Сергеевичем, Уильям Иоаннович оказывается еще одним “нашим всем”. Причина притягательности Шекспира для русского переводчика, возможно, находится в плоскости поисков всемирного поэтического идеала. Но художественный дар Шекспира представляет особую переводческую проблему; как и в случае с переводами Пушкина, переложения эйвонского барда обесцениваются, если потеряна доминанта оригиналов: у Пушкина это стремительное, легкое дыхание русского стиха, у Шекспира — интеллектуальная насыщенность, сконцентрированность мысли.

Сонет XVIII весьма популярен, и в английских источниках он часто называется самым известным у Шекспира или, по крайней мере, входит в десятку наиболее значимых. Этот текст меняет не только посыл, но и тематику предыдущих семнадцати сонетов: взамен настойчивого призыва к тому, чтобы герой обрел вечную жизнь в потомстве, здесь возникает и утверждается идея первичности творчества, идея “нерукотворного памятника”, бессмертия в поэтическом тексте.

История русских переводов восемнадцатого сонета, по всей видимости, начинается с публикации Николая Гербеля в 1879 году, за которым следует целый ряд интереснейших имен. Любопытен, хотя и не безупречен, опубликованный в 1902 году перевод Сергея Ильина, поэта, актера и музыканта. Стоит обратить внимание на весьма качественную версию Модеста Чайковского (1914), в чьих поэтических талантах принято сомневаться после “Пиковой дамы” и “Иоланты”. Однако же версия Самуила Маршака (1948) не кажется существенным прорывом: и в конце девятнадцатого века, и в середине двадцатого проблемой русских переводов становится романтизация сонета, обращение напряженного, пульсирующего, метафорического стиха в серенаду под балконом. Определенный интерес представляет практически неизвестная работа с восемнадцатым сонетом Николая Гумилева (этот перевод относится к первым послереволюционным годам и мог быть обращен, по мнению А. Ламзиной, к Ларисе Рейснер)...

Какие задачи решают современные переводчики сонетов, присоединяясь к длинной цепочке предшественников? Все больше попыток передать шекспировскую усложненную метафорику: сонет XVIII, к примеру, пронизан снижающими, почти что юридическими, едва ли не бухгалтерскими терминами и мотивами — как “lease”, или “договор аренды”, что отсылает к мысли о скоротечности любви, красоты и самой жизни — в отличие от бессмертной поэзии. Переводчики чаще используют строгие “мужские” окончания строк (с ударением на последний слог каждой строки, как в шекспировском оригинале) вместо более привычного русскому слуху чередования мужских и женских рифм: следование ритмике оригинала помогает избежать искусственной напевности и ускорить темпоритм сонета. Обнадёживает, что позднейшие переводчики просто понимают текст лучше (Гумилев, например, явно ошибся в значении слова “complexion”, означаящем здесь отнюдь не сложность, а оттенок или цвет лица; с подобными ошибками к началу XXI века мы уже надеемся не столкнуться). Проблемой остается, однако, необходимость истолкования центральной темы сонета: Шекспир предлагает адресату бессмертие в поэтической строке, но не до конца ясен механизм действия подобной магии; утверждает ли поэт свое собственное величие, которое и обеспечит вечную жизнь и сонету, и персонажу? Одним из возможных истолкований является антитеза времени и вечности — похоже, что поэт обещает подарить возлюбленному или возлюбленной особенное, поэтическое время: стихотворение можно вообразить песочными или солнечными часами, не подчиняющимися обыденному ходу времен. Взамен стука часов возникает стихотворный ритм, подобный тому, какой выбивали юноши узорной чашей в брюсовском “Подражании Горацию”. Шекспировская машина времени — то неувядающее лето, в которое автор приглашает своих персонажей, читателей и переводчиков.

Shall I compare thee to a summer's day?
 Thou art more lovely and more temperate:
 Rough winds do shake the darling buds of May,
 And summer's lease hath all too short a date:
 Sometime too hot the eye of heaven shines,
 And often is his gold complexion dimm'd;
 And every fair from fair sometime declines,
 By chance or nature's changing course untrimm'd;
 But thy eternal summer shall not fade
 Nor lose possession of that fair thou owest;
 Nor shall Death brag thou wander'st in his shade,
 When in eternal lines to time thou growest:
 So long as men can breathe or eyes can see,
 So long lives this and this gives life to thee.

Как я сравню тебя с роскошным летним днем,
 Когда ты во сто раз прекрасней, друг прекрасный?
 То нежные листки срывает вихрь ненастный
 И лето за весной спешит своим путем;
 То солнце средь небес сияет слишком жарко,
 То облако ему туманит ясный зрак —
 И все, что вокруг манит, становится неярко

Иль по закону злой природы, или так —
 Случайно; но твое все ж не увянет лето
 И не утратит то, чему нельзя не быть,
 А смерть не скажет, что все в тень в одето,
 Когда в стихах моих ты вечно будешь жить.
 И так, пока дышать и видеть люди будут,
 Они, твердя мой гимн, тебя не позабудут.

Перевод Николая ГЕРБЕЛЯ (1879)

Я с летним днем сравнить тебя готов,
 Но он не столь безоблачен и кроток;
 Холодный ветер не шадит цветов,
 И жизни летней слишком срок короток:
 То солнце нас палящим зноем жжет,
 То лик его скрывается за тучей...
 Прекрасное, как чудный сон, пройдет,
 Коль повелит природа или случай.
 Но никогда не может умереть
 Твоей красы пленительное лето.
 Не может смерть твои черты стереть
 Из памяти забывчиваго света.
 Покуда кровь кипит в людских сердцах,
 Ты не умрешь в моих живых стихах.

Перевод СЕРГЕЯ ИЛЬИНА (1901)

Сравню ли я тебя с весенним днем?
 Нет, ты милее длительной красою:
 Злой вихрь играет нежным лепестком,
 Весна проходит краткой полосой.
 Светило дня то шлет чрезмерный зной,
 То вдруг скрывается за тучей мрачной...
 Нет красоты, что, строгой чередой
 Иль случаем, не стала бы невзрачной.
 Твоя ж весна не ведает теней,
 И вечный блеск ее не увядает.
 Нет, даже смерть бессильна перед ней!
 На все века твой образ просияет.
 Пока есть в людях чувства и мечты,
 Живет мой стих, а вместе с ним и ты!

Перевод Модеста ЧАЙКОВСКОГО (1914)

С веселым летним днем сравню ль тебя я?
 Его ты привлекательней, нежней.
 Суровый ветер губит почки мая,
 Отпущен краткий срок для летних дней:
 То слишком ярко глаз небес пылает,

То золотая сложность в нем молчит,
И чудо из чудес свой лик склоняет,
Изменной дней унижено, бежит,
Но вечное твое не минет лето,
Не потеряет власть своих красот,
Не скажет Смерть — тобой она согрета,
Коль в вечных строках образ твой живет.
Доколе вольно дышит грудь людская,
Живите, речи, жизнь тебе давая.

Перевод Николая Гумилева (1918–1921)

Сравню ли с летним днем твои черты?
Но ты милей, умеренней и краше.
Ломает буря майские цветы,
И так недолговечно лето наше!
То нам слепит глаза небесный глаз,
То светлый лик скрывает непогода.
Ласкает, нежит и терзает нас
Своей случайной прихотью природа.
А у тебя не убывает день,
Не увядает солнечное лето.
И смертная тебя не скроет тень —
Ты будешь вечно жить в строках поэта.
Среди живых ты будешь до тех пор,
Доколе дышит грудь и видит взор!

Перевод Самуила Маршака (1948)

Сравнит ли с летним днем тебя поэт?
Но ты милей, умереннее, кротче.
Уносит буря нежный майский цвет,
И лето долго нам служить не хочет.
То яркое чересчур небесный глаз,
То золото небес покрыто тучей,
И красоту уродует подчас
Течение природы или случай.
Но лета твоего нетленны дни,
Твоя краса не будет быстротечна,
Не скажет Смерть, что ты в ее тени, —
В моих стихах останешься навечно.
Жить будешь ими, а они тобой,
Доколе не померкнет глаз людской.

Перевод Александра Финкеля (1976)

Сравню ли я тебя с июльским днем?
Твоя природа мягче и нежней.
Уже цветы осыпались дождем,

Идет на убыль счастье летних дней.
Глаз неба, слишком жаркий иногда,
Теряет золотистый ореол,
Всему прекрасному грозит беда,
Природы беспощаден произвол.
Но нет конца у лета твоего,
И красоты не похищает рок.
Не угрожает смерти торжество
Тому, кто под защитой вечных строк.
Покуда мир дышать не устает,
Живет мой стих и жизнь тебе дает.

Перевод Игнатия Ивановского (2001)

На летний день не слишком ты похож:
в тебе и света больше, и добра.
От ветра дерева бросает в дрожь,
и скоротечна летняя пора.
То запыляет жарко небосвод,
то потускнеет золотой зрачок,
а то на убыль красота пойдёт
естественным путём или не в срок.
А над тобой не вянет благодать
весны и полновластной красоты.
Тебе под сенью Смерти не блуждать —
в строфе бессмертной возродишься ты.
Она жива — и ты среди живых,
пока не гаснет свет в глазах людских.

Перевод Юрия Лифшица (2006)

Из тех ли ты, кто с летним днем сравним?
Твой облик краше, сдержаннее нрав:
Бутоны мая вихрь развеет в дым,
До срока долг погожих дней взыскав.
То око неба беспощадно жжет,
То вдруг лишь цедит золотистый свет,
И кто прекрасен, всех своих красот
Лишится вскоре — иль с течением лет.
Но лета твоего не схлынет пыль,
И прелести не пошатнется трон,
И смерть смирится — раз назначен был
Тебе в стихах иной отсчет времен:
Пока дыханье, зренье в людях есть,
Живи в строке, чтоб вечность с ней обрести.

Перевод Андрея Корчевского (2021)